

Белякова Н. А. Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкторов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом / Н. А. Белякова, Е. С. Токарева // Научный диалог. — 2015. — № 1 (37). — С. 81—107.

УДК 327.39(=81)+003.349

Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкторов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом

Н. А. Белякова, Е. С. Токарева

Статья посвящена истории празднования в XIX—XXI вв. юбилеев, связанных с деятельностью св. Кирилла и Мефодия. Авторы статьи анализируют роль таких торжеств в формировании внешнеполитических и идеологических доктрин Российской империи и определяют их место во внешней и внутренней политике Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Показано, что кирилло-мефодиевские юбилеи оказали влияние на формирование панславистских концепций, в которых образы Кирилла и Мефодия выступили цементирующим основанием, символами идеи объединения славянских народов. Во второй половине XX века инициатива разворачивания масштабных торжеств, посвященных памяти Кирилла и Мефодия, исходила от руководства некоторых славянских стран социалистического лагеря — Чехословакии, Болгарии — или непосредственно от Ватикана. СССР только реагировал, притом достаточно сдержанно и осторожно. С одной стороны, имела место тенденция использовать юбилейные торжества как концепцию для укрепления монолитности братских народов в рамках социалистического блока. С другой стороны, инициатива в проведении торжеств исходила и от Ватикана, однако СССР не имел в 1960-80-е гг. собственной стратегии и линии поведения в отношении Ватикана и его Восточной политики (*Ostpolitik*). Выявлено, какое значение придавала юбилеям св. Кирилла и Мефодия Русская Православная Церковь на различных этапах ее существования.

Ключевые слова: св. Кирилл и Мефодий; Русская Православная Церковь; Кирилло-Мефодиевские юбилеи; панславизм; религиозная политика в СССР.

1. Введение

В Российской империи традиция празднования юбилеев, связанных с деятельностью Кирилла и Мефодия, оформилась в начале 1860-х гг. Эти юбилеи сразу же приобретают важный общественно-политический и полемический характер. Даже выбор даты празднования получил политическое звучание.

Обращение к памяти просветителей на государственном уровне совпало со многими другими знаменательными датами: например, в 1862 году Россия праздновала 1000-летие своего исторического бытия, которое отсчитывалось от начала правления Рюриковичей (862 г.). Центральным событием этого празднования было открытие в Великом Новгороде примечательного памятника «Тысячелетие России». Среди более чем 100 фигур, запечатленных на памятнике, первыми в ряду просветителей России были изображены святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Внимание к фигурам славянских просветителей, неожиданно приобретшее государственно-политическое звучание, как кажется, необходимо рассматривать в контексте поиска и разработки конструктов идентичности в модернизирующейся Российской империи. Этот поиск вписывался, хотя и с некоторым опозданием, в аналогичные процессы у славянских народов в составе Австро-Венгерской и Османской империй, и осмысление его возможно только при учете контекста южно- и западнославянских конструктов.

2. Использование фигур просветителей для конструирования идентичности западными и южными славянами

У южнославянских народов имена Кирилла и Мефодия активно использовались в теоретических политико-общественных конструктах с начала XIX и даже с XVIII столетия, хотя идеи объединения славян на основе их общей религиозно-языковой базы высказывались

южнославянскими мыслителями еще раньше. Например, в XVII веке хорватский католический священник Юрий Крижанич предлагал русскому царю Алексею Михайловичу проект по созданию общеславянского языка, объединению славян под эгидой русского царя [Крижанич, 1997; Golub, p. 238; Ровинский, 1878, с. 146—147; Пушкарев, 1984]. Примечательно, что один из первых исследователей биографий святых Кирилла и Мефодия чех Йозеф Добровский, которого М. Погодин называл основателем изучения славянской филологии, способствовавшим «возрождению всего славянского народа на Кирилловом основании», также был среди тех, кто продвигал идею политического и языкового объединения славян под властью России. Идеи панславизма (в России — славянофильства) базировались в том числе на представлении об общем кирилло-мефодиевском наследии.

Деятельность первоучителей рассматривалась не только в парадигме создания славянской письменности и переводов с греческого — в бурной политической обстановке Европы XIX века она получала разную политическую трактовку. Открытие и оформление культа Кирилла и Мефодия в качестве фигур, которые могут мобилизовать тех, кому адресовалась пропаганда зарождавшегося национального движения, имели место у разных славянских народов как в составе Австро-Венгерской монархии, так и на Балканах. Для славянских народов остро стояли, с одной стороны, вопросы национального языка, создания национальных государств, для чего было необходима артикуляция конструктов национальной идентичности, а с другой стороны, постоянно звучали идеи всеславянского единства или идеи религиозного единения славян. Во всех странах инициаторами превращения Кирилла и Мефодия в национальных героев выступила интеллигенция, причем их собственная конфессиональная принадлежность играла при этом явно второстепенную роль. Например, в Венгрии такими стали словаки-лютеране; а фигуры Кирилла и Мефодия помогли выстроить дальнейший диалог между разделенными по конфессиональному признаку словаками [Ковальская, 2013, с. 71—72].

Фигуры Кирилла и Мефодия активно привлекаются для формирования самых разных конструкторов национальной и религиозной идентичности. Формирование идентичности неизбежно проходит через конфликт, через столкновение с другой идентичностью. Наиболее ярким примером использования образов Кирилла и Мефодия для конструирования церковно-национальной идентичности в рамках православной традиции является Болгария. Привлечение имен Кирилла и Мефодия должно было обосновать желание церковной независимости от греков, введение церковнославянского языка и укрепление на местах болгарского духовенства. Именно с этим был связан поиск славянских корней, а также надежда на помощь России в борьбе с греками-фанариотами. Борьба в Болгарии за славянское богослужение против греческой иерархии проходила под лозунгом возрождения Кирилло-мефодиевской традиции [Gounaris, 1995; Макарова, 2005; Герд, 2006]. В итоге 11 мая 1872 года первый болгарский экзарх Анфим I совершил в болгарском храме Константинополя литургию, во время которой был торжественно прочитан акт о провозглашении Болгарской Церкви автокефальной.

Акцентуация культа Кирилла и Мефодия у южных славян очевидно имела *анти-греческий характер*. Мы видим, что культ Кирилла и Мефодия развивается у болгар, но у сербов он почти не востребован, поскольку сербы юрисдикционно гораздо меньше зависели от Константинопольского патриархата в XIX столетии¹.

1 После «великого исхода» сербов на территорию Габсбургской монархии в 1690 году возникла сербская митрополия в городе Сремски Карловци. Печская патриархия на территории Османской империи была упразднена османами в 1766 году, когда юрисдикционно османские сербы оказались подчинены Константинопольскому патриархату. В XIX веке, после сербского восстания и провозглашения независимости Сербии, в 1832 году возникла Белградская митрополия, которая после Берлинского конгресса в 1879 году была признана автокефальной, тогда как Карловацкая митрополия еще в 1848 году была возведена в ранг патриархии [см.: Popovic, 2005; Веселиновић, 1969; Pantazopoulos, 1967]. Очевидно, что и в Средние века, и в Новое время положение сербов было гораздо лучше благодаря сербскому духовенству, которое в свою очередь для сохранения национальной идентичности опиралось на сюжеты средневековой сербской истории и примеры сербских святых, не нуждаясь для этого в обще-славянских моделях. О влиянии религиозного фактора на идентичность на Балканах см.: [Роль религии, 1999; Suttner, 1997].

Другим направлением культивирования образов Кирилла и Мефодия стало привлечение их в качестве **символа единства славянского, восточного мира с Римом**. Например, в книге Штульца «Жизнь свв. Кирилла и Мефодия, апостолов славянских» утверждалось: «Нам по всему кажется, что свв. Кирилл и Мефодий своим примером и памятью сделаются однажды еще апостолами единства католического между славянскими народами». Ярко этот тезис можно проиллюстрировать на примере концептуального обоснования унионистского движения среди болгар в конце 1850 — начале 1860-х гг. Признание юрисдикции Рима трактовалось главой этого движения Иосифом Сокольским в послании 1861 года, обосновавшем его действия, как возвращение к традиции Кирилла и Мефодия, находившихся в единстве с Римом¹.

Эта идея получила свое развитие в разнообразных концепциях общеславянских уний с Римом, которые затем активно предлагались исследователями-теологами и, в меньшей степени, церковными деятелями на славянских конгрессах начала XX века. В дальнейшем этот вектор вылился и в экуменический тренд. Так словенский историк церкви Фран Гривец стал инициатором создания экуменического общества имени Кирилла и Мефодия в Словении (1925).

1863 год был объявлен Католической Церковью годом Кирилла и Мефодия — «годом славянского юбилея» с центром торжеств в Велеграде (Uherské Hradiště). Почти с самого начала католическая инициатива начинает восприниматься и как угроза православию, и в полемических работах сразу начинают звучать утверждения о подлинной православности Кирилла и Мефодия. Действительно, характер деятельности самих солунских братьев predeterminedил эту полемику, ведь созданная ими азбука была распространена в первую очередь на славянских территориях латинского обряда.

¹ Историческим сюжетом, подтверждающим тезис о связях Кирилла и Мефодия с Римом, служили сведения о пребывании святых братьев в Риме и переговорах с папой Адрианом II. Именно в Риме Константин принял монашеский постриг под именем Кирилл и там же скончался в 869 г. См.: [Dvornik, 1964; Dvornik, 1966; Dvornik, 1964-2].

Итак, в среде западных и южных славян в ходе бурного развития национального и политического самосознания на щит поднимаются фигуры Кирилла и Мефодия. Практически во всех случаях универсализм фигур Кирилла и Мефодия позволял привлекать эти образы для обоснования любых конструктов. Для славянских народов остро стояли, с одной стороны, вопросы национального языка, создания национальных государств, а с другой стороны, одновременно звучали идеи всеславянского единства и идеи религиозного единения славян. В среде южных и западных славян в ходе конструирования идентичностей мы видим разные векторы конфликта. Наиболее значимыми в рамках заданной тематики представляются два из них: а) столкновение с греками и б) конфликт славян между собой (например, между южными и западными, с ближайшими соседями). Третья тема, которая неминуемо усиливала конфликтность, касалась отношений с Римским папой и глобально «западным» миром.

3. Рецепция славянского опыта «кирилло-мефодианы» в Российской империи

Работы чешского исследователя Иосифа Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские апостолы» и «Моравские легенды о Кирилле и Мефодии» были быстро переведены на русский язык и одновременно послужили толчком к изучению этой темы во всех славянских странах.

В России XIX века «славянский» вопрос осложнялся «польским». Политика в Польше препятствовала претензиям России на роль всеславянского покровителя, а восстание 1863 года привело к комплексным сдвигам в Империи [см.: Исследования..., 2013]. Соотношение языка, католической традиции, польского национализма в католических костелах Российской Империи привело к инициативе со стороны имперского руководства перевести часть католического богослужения, совершающегося на польском языке, на русский. Интересно, что, когда появились принципиальные возражения со сторо-

ны католического руководства на необходимость получения санкции Рима на такие изменения, было предложено, в соответствии с уже существующим разрешением Римского Папы, проводить богослужения на церковнославянском, ввести именно его [Долбилев, 2008].

Кирилло-Мефодиевская тема была поднята и украинофилами, создавшими в 1846 году в Киеве Кирилло-Мефодиевское братство (в его состав входил украинский поэт и общественный деятель Тарас Шевченко), которое было разгромлено властями меньше чем через год после его основания, однако важно то, что в Российской империи имена Кирилла и Мефодия привлекались для соблюдения требований национальной самобытности и социально-политических образований. Эта организация, созданная по инициативе историка Н. Костомарова¹, считается в современной украинской историографии важным этапом развития украинского национального движения.

Одним из первых российских исследователей кирилло-мефодиевского наследия, одновременно стремившимся популяризировать фигуры славянских просветителей, был православный протоиерей Александр Васильевич Горский, профессор Московской духовной академии [Мельков, 2013].

Имена Кирилла и Мефодия активно привлекаются славянофильским движением и вообще в ходе ускорившихся общественно-политических перемен, активизируется и славянский вопрос. Сложная внешнеполитическая обстановка вынуждает власть иногда разыгрывать карту общеславянского единства. Так, в 1858 году в Москве создается общественная организация «Славянский комитет». Согласно

¹ Опознавательным знаком этой организации был перстень с надписью «Св. Кирилл и Мефодий, январь 1846». Украинская национальная идея совмещается в идеологии этой организации с общечеловеческими христианскими идеалами и идеей славянского единства. Костомаров считал главными христианские идеалы и создание союза славянских народов. Кулиш отдавал приоритет идее национального освобождения. Эти взгляды нашли отражение в «Книге бытия украинского народа» и «Уставе славянского братства св. Кирилла и Мефодия», написанных лидером братчиков Николаем Костомаровым (1817—1885). См. исследования об идейных концепциях братства [Симонова, 1988, с. 42—54].

утверждению М. П. Погодина, комитет «имел своей задачей: поддерживать православие между угнетенными славянскими племенами Балканского полуострова, содействовать их духовному пробуждению и развитию воспитанием молодых болгар и сербов в русских средних и высших училищах, снабжать православные церкви на Востоке предметами богослужения, а народные школы — материальными и учебными пособиями, поддерживать малообеспеченную молодежь, учащуюся в галицких и угорских русских школах и в венском университете, снабжать ученые общества, общественные библиотеки и народные школы во всех славянских землях сочинениями русских писателей и русскими учебниками, помогать тем из западных и южных славян, которые заботятся о распространении русского языка между своими соотечественниками, и, наконец, отзываться на всякое предприятие, в какой бы славянской среде оно ни возникло, лишь бы оно носило на себе характер общепольного для всего славянства дела» [Погодин, 1872, с. 590].

В 1862 году в церкви Московского университета было совершено по ходатайству членов Славянского комитета торжественное богослужение с молебном в память святых первоучителей и апостолов славянских Кирилла и Мефодия, «в первый раз после многих веков забвения», как писал известный московский славянофил И. С. Аксаков. В современном российском исследовании однозначно утверждается, что «в результате просветительской деятельности Славянских комитетов и обществ в нашей стране было восстановлено празднование дня Кирилла и Мефодия» [Поповкин, 2013, с. 3].

Собственно выбор даты празднования юбилеев Кирилла и Мефодия сразу приобрел политический характер. Выдвигались различные предложения: 1855 год — год изобретения славянской письменности, а также 1861, 1862 и 1863 годы. «Мне кажется нужным выразить вам свое убеждение, что в *нынешнем году* празднование тысячетлетней годовщины Кирилла и Мефодия было бы преждевременным и повело бы к цели, прямо противоположной той идее,

которую мы имеем в виду», — писал И. С. Аксаков в 1861 году [цит. по: Ширинянц и др.]. И продолжал: «Кирилл и Мефодия одинаково чтут все славянские народы, и Южные, и Западные, и восточные... очевидно, что празднование их памяти должно быть вместе... Но если бы мы захотели, чтобы годовщина Кирилла и Мефодия праздновалась в нынешнем 1861 году, то вместо единения, мы внесли бы рознь в общее дело славянское... Западные славяне не могут согласиться с нами на это. У них все предания и свидетельства соединяют 63-й год с памятью славянских первоучителей, и к 1863 году они готовят народное торжество... Когда у них есть на то причина в достоверных исторических свидетельствах, и когда, что всего важнее, мысль об этом торжестве и приготовления к нему сделались у них всеобщей, народною заботою — то неужели мы, еще не приготовившиеся, не присоединимся к другим славянам и будем праздновать тысячелетие славянского просвещения годом раньше и без них? Это была бы ошибка... Следовало бы славянам в наше время праздновать троекратно <...>: в 1855 году — тысячелетие изобретения письмен славянских; в 1861 году — тысячелетие крещения народа болгарского; в 1863 году — тысячелетие крещения Моравии и вообще славян западных. *В 1855 году мы позабыли о том*, из-за военной тревоги... Два раза и мы и другие славяне позабыли о Кирилле и Мефодии ... Не пропустим же третьего срока, 1863 года...» [Аксаков, 1865, с. 534—538].

В 1863 году российским Святейшим Правительствующим Синодом было установлено празднование обоим святым ежегодно 11 мая (по юлианскому календарю) «в память совершения тысячелетия от первоначального освящения нашего отечественного языка Евангелием и верою Христовою». Празднование юбилеев проводилось с большим пафосом. Например, М. П. Погодин после богослужения в 1869 году, посвященного кончине Кирилла, утверждал: «Богослужение на родном общевразумительном языке, скажу смело, есть краеугольный камень нашего нравственного состояния, за-

лог нашего будущего развития и преуспевания, и вместе условие до сих пор нашего политического значения. Если Русский народ не совершенно загрубел, одичал, не лишился человеческого образа, ни вследствие двухсотлетних княжеских междоусобий, ни вследствие почти трехсотлетнего Монгольского ига, ни вследствие других враждебных событий, если не погасла в нас, несмотря ни на какие бури и вихри, внешние и внутренние, искра святого огня, способная в счастливое время воспылать, пролить свет и теплоту на пространства неизмеримые, то этим счастьем обязаны мы богослужению на родном языке, учрежденному Свв. Кириллом и Мефодием» [Погодин, 1872, с. 451—456]. В России параллельно с развитием политических и идеологических сюжетов о Кирилле и Мефодии начинает активно развиваться научно-исследовательская и издательская деятельность.

Постепенно в Российской империи празднование юбилеев Кирилла и Мефодия приобретает еще и ярко выраженное полемическое анти-католическое звучание. В обращении к российскому Святейшему Синоду в 1870 году чехи-старокатолики на страницах петербургской газеты «Голос» 15 июля 1870 года, в частности, говорили следующее: «Наша история рассказывает, что со времен свв. апостолов славянских до нынешнего дня наш народ терпел со стороны Рима тысячекратное зло и бесчисленные притеснения. Рим вырвал у нас то, что посеяли святые апостолы наши. Рим не уставал до тех пор, пока не погибли те, которые хотели оживить и у нас семя славянских апостолов и провозгласить первоначальное учение их. Ян Гус и Иероним пали жертвами за то, что хотели возродить славянское семя, обновить первоначальную веру и восстановить народную Церковь».

Тезис о том, что Латинская церковь стремилась уничтожить славянскую традицию, доминировал в литературе российского происхождения. Тот факт, что именно хорваты в рамках Габсбургской монархии единственные сохранили глаголическое письмо вплоть

до XIX века в церковном языке, возможно, попросту не был известен¹.

Более того, в полемическом запале утверждалось, что именно благодаря деятельности Кирилла и Мефодия произошло объединение всего славянского мира и именно благодаря этому обретенному единству смогло состояться отделение славянского мира от мира западного, или, иначе говоря, разделение восточного и западного христианства [Бессонов, 1865]. Парадоксальным образом св. Кирилл и Мефодий оказывались повинны и в разделении славян: «Итак, священное предание славянских первоучителей послужило неиссякаемым в течение целого тысячелетия источником для единомыслия и братственного единодушия между славянами восточными. Оно же постоянно было преградой для сближения с славянами западными, усвоившими себе латинство» [Буслаев, 1865].

Полемичность фигур Кирилла и Мефодия в российском контексте приобретала актуальную антикатолическую риторику, как всегда, «оборонительную». Священник Н. К. Протопопов (автор очерка по истории славян) утверждал: «Западные ученые стараются доказать, что миссионерская деятельность св. Кирилла и Мефодия принадлежит Риму, а не восточной церкви. В новейшее время на западе <...> во имя св. Кирилла и Мефодия создаются общества и издаются книги в духе латинской пропаганды². Нельзя не заметить, что все это делается нарочно, с целью — объявить имена, свято чтимые южными и западными славянами, лучше расположить их к латинству, уверив их, что та вера, которую первоначально насадили у славян св. Кирилл и

1 Интересен также тот факт, что в середине XIV века именно придерживавшиеся «латинской» традиции чехи попытались возродить глаголическую письменность. Для этого император Карл IV Люксембургский основал монастырь Эмаус и пригласил хорватских бенедиктинцев, чтобы они обучили чехов глаголице. Именно с этим центром было связано возникновение знаменитого Реймского евангелия. В конце XIV века, следуя этому примеру, был также основан глаголический монастырь в польском Кракове, где глаголическая традиция просуществовала более ста лет. См., например: [Birnbbaum, 1974, p. 18; Jakobson, p. 145—146; Vlasto, 1970, p. 112].

2 Видимо, здесь намек на Общество св. Кирилла и Мефодия в Париже, созданное русскими иезуитами, и их Кирилло-Мефодьевские сборники.

Мефодий, была латинская, и сами они были латиняне. Все это есть явная и злонамеренная ложь... Таким образом, имена св. Кирилла и Мефодия по справедливости должны служить для всех славян знаменем не сочувствия к католицизму, а предостережения и борьбы против католицизма».

Развернул эту тему с другого ракурса выходец из среды славянофилов, позднее российский государственный деятель А. Гильфердинг¹: «Для клерикальной партии в западнославянских землях Кирилл и Мефодий имеют важность первостепенную, судя по тому усердию, какое люди этой партии высказывают к их памяти. <...> Клерикальная партия у Западных славян поняла, что с пробуждением в этих народах самосознания и неодолимого стремления к единению во имя славянского родства — Кирилл и Мефодий, как знамя, как символ некогда бывшего и потому могущего быть снова духовного единства славян, получают огромное значение <...> Она поняла, какая с этим именем, с этим символом сопряжена опасность, заключающаяся в не-

1 Гильфердинг А. (1831—1872) изучал филологию в Московском университете, под влиянием Хомякова занялся сравнительным изучением славянских языков, написала работу о родстве славянских языков с балтийскими и санскритом. Много путешествовал по Балканам, в 1854—1855 написал «Письма об истории сербов и болгар». В 1856 году ему предложили занять место консула в Сараево, что было связано с его знанием ситуации в регионе, а также его позицией (после неудач внешней политики Николая I и Крымской войны Россия потеряла свое влияние на Балканах, задачей Гильфердинга, как ее видели другие славянофилы, было подготовить новые основы сближения с южными славянами, в первую очередь на основе славянского языка и православных традиций). В период 1857—1858 гг., занимая должность консула в Сараево, Гильфердинг в первую очередь пытался наладить связи с православным (сербским) духовенством, демонстрируя пренебрежение к греческому клиру (фанариотам) и мусульманам Боснии и Герцеговины. Он предпринял поездку в Южную Сербию, посетил средневековые сербские монастыри. Собрал большое количество славянских рукописей (более 120 подарил Библиотеке в Петербурге). Основной интерес его заключался в сербских средневековых рукописях и болгарских в том числе, он нашел греческий палимпсест поверх болг. Евангелия, опубликовал рукопись с легендой о битве на Косовом поле с переводом на русский. Своей целью он видел максимальное сближение России и православных славянских народов на основе общих религиозных и языковых традиций. Именно славянское (кириллическое) православие должно быть в основе имперских притязаний России на Балканах (греков он считал сторонниками турок, францисканцев сторонниками Рима, католическое духовенство сторонниками Вены, а мусульман также связанных с турками, но которых еще можно вернуть в истинную веру).

скольких простых исторических фактах, а именно: 1) что Кирилл и Мефодий были родом греки и воспитанники греческой церкви; 2) что Кирилл и Мефодий были посланы для образования западных славян церковью восточною и Византийским правительством; 3) что Кирилл и Мефодий действовали между западными славянами во имя начал, которые признавала и признает церковь восточная и которых никогда не признавала церковь западная; 4) что Кирилл и Мефодий и между западными славянами совершали богослужение по обряду восточной церкви; и, наконец, 5) что дело Кирилла и Мефодия было истреблено церковью латинской в землях, ей подвластных, тогда как оно у славян, принадлежащих к православному исповеданию, осталось неприкосновенным и сделалось их народным достоянием». Таким образом, утверждал Гильфердинг, «сознавая невозможность бороться против этого знамени, клерикальная партия хочет захватить его в свои руки» [Гильфердинг, 1868; Гильфердинг, 1871].

Острота антикатолической риторики в России приходится на 1880-е гг., что совпадает с разворачиванием празднований памяти Мефодия. Святейший Синод Русской Православной Церкви к 6 апреля 1885 года разослал по всей России особое праздничное Послание, в котором говорилось о великом подвиге первоучителей славянских народов. П. И. Чайковский написал гимн в честь святых Кирилла и Мефодия.

Конфронтация с католицизмом, актуализировавшаяся в ходе юбилейных празднований, как нельзя более четко сформулирована в письме от 3 апреля 1885 года, адресованном российскому императору Александру III обер-прокурором Св. Синода К. Победоносцевым, который, передавая послания Синода, различные издания Славянского общества, содержащие жития славянских святых с молитвами и наставлениями, подчеркивал: «И то, и другое примечательно тем, что содержит в себе предостережение против латинян, которые теперь выдумали присваивать себе Кирилла и Мефодия из политических целей, отвергнув изобретенную ими кириллицу».

Далее обер-прокурор писал: «Вот уже несколько лет продолжается со стороны римской курии агитация по поводу Кирилла и Мефодия, направленная против православных славян и России. Главным ее деятелем служит епископ дяковорский Штрамайер, задумавший объединить всех славян австрийских под знаменем католичества и внести ту же пропаганду в среду православных. К 6-му апреля он, при содействии Рима, давно готовит громадную демонстрацию в Велеграде. Эти приготовления заставили и нас озаботиться о торжественном, по возможности, праздновании этого дня в России. Дело успело огласиться повсюду, встречено с большим сочувствием, и теперь во всех городах и во многих селах готовятся празднества на 6 апреля с торжественным богослужением и крестными ходами. Думаю, что это торжество не останется без важных последствий и утвердит в народном сознании (что в особенности важно на окраинах) чувство национальности и понятие о просвещении, связанном с церковью. Действительно, нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и донные составляющих драгоценное достояние духа народного в России» [Победоносцев, 1999, с. 24].

С 1901 года по указанию Святейшего Синода Русской Православной Церкви 11 мая становится для многих учебных заведений России праздничным днем. К этому дню в школах заканчивались учебные занятия, служились торжественные молебны и проводились праздничные концерты и вечера.

Итак, возникновение и оформление празднования юбилеев Кирилла и Мефодия в Российской империи явно вписывается в процесс создания конструктов национального самосознания, который стал набирать силу в период царствования Александра III. Однако важной спецификой развития и слабости русского национализма была тесная связь с имперским механизмом, который, взяв под покровительство и поощряя культ Кирилла и Мефодия, одновременно пытался придать

ему имперское звучание. На практике юбилейные торжества, посвященные памяти Кирилла и Мефодия, внутри страны должны были укреплять монолитность и народность, как мы видим, в том числе через антикатолическую риторику, имеющую прозрачную коннотацию с антизападными лозунгами. Кирилло-Мефодиевские юбилеи имели ярко выраженный «экспортный» характер, они сопровождались серьезными и систематическими влияниями в поддержку различных славянских инициатив, для развития и поддержания идеи «всеславянского единства» (естественно, в том виде, в каком она представлялась МИД Российской империи), а самое главное, участия в делах Восточной Европы, где антикатолическая риторика, поддерживаемая Российской империей, имела под собой реальную политическую почву. Как представляется, стратегически важным последствием государственного финансирования инициатив, связанных с кирилло-мефодиевскими юбилеями, было развитие научного направления славистики в Российской империи, подготовки, поиска и публикации ценнейших славянских рукописей.

4. Судьбы российской славистики и Кирилло-Мефодиевские юбилеи в СССР

Как мы ответили выше, для конца XIX — начала XX вв. характерно бурное развитие славистических исследований в России, но особенно в контексте изучения Кирилло-Мефодиевского наследия. Следующие круглые юбилейные даты, связанные с жизнью святых, пришлось в России на первые послереволюционные годы, когда о всероссийских торжествах в условиях жесткого гонения на религию и церковь речи быть не могло. В современном российском исследовании, посвященном истории российской славистики, показано, что этой научной дисциплине был нанесен сокрушительный удар в 1920—30-е гг. Тесная связь старой славистики с царской политикой не могла быть забыта; «в обращении ученых к проблемам славистики властям виделся призрачный «реакционного славянофильства» и, хуже

того, «панславизма»». Более того, после окончания Гражданской войны и образования «санитарного кордона» вдоль западных границ СССР славистика могла казаться «возможным обоснованием единения новых славянских государств, занявших антисоветскую позицию». В 1934 году ряд ведущих ученых был репрессирован по «делу славистов» [Робинсон, 2004, с. 378].

С началом Великой Отечественной войны в СССР принципиально меняется отношение к славянской идее; она вошла в арсенал средств государственной политики, стала мощным оружием в борьбе с фашизмом [Марьина, 1997]. Начиная с июля 1941 года и до конца Великой Отечественной войны славянская тема не сходила с газетных полос и страниц журналов, звучала по радио на многих языках мира [Московских, 2005]. М. Ю. Досталь указывает, что за годы войны было опубликовано более 900 книг, брошюр, статей и других материалов, посвященных славянским проблемам [Досталь, 2009]. Антифашистское славянское движение охватило не только Советский Союз, но и славянские диаспоры в странах антигитлеровской коалиции. С помощью посольств, консульских служб и общественности Всеславянскому комитету удалось установить связи и успешно взаимодействовать более чем с 250 зарубежными славянскими организациями. Сворачивание идей славянского союза связано с наступившим летом 1948 года острым кризисом во взаимоотношениях между СССР и СФРЮ [Кикешев, 2010].

В 1943 году митрополит Николай (Ярушевич), второе лицо в Русской Православной Церкви (РПЦ), выступал на III Всеславянском митинге в Москве. Восточная Европа и славянские страны оказываются в сфере интересов Москвы; параллельно наблюдается всплеск борьбы с Католической церковью. Исследовательницей О. Ю. Васильевой был опубликован ряд материалов о попытке превратить Москву в центр вселенского православия, в «православный Ватикан». Эта идея, кульминация практического осуществления которой приходится на 1948 год, приводила к конфронтации с Ватиканом и Кон-

стантинополем [Васильева, 2001]. На практическом уровне эта политика привела к переводу униатских епархий в православные с переподчинением Московской патриархии и другим поместным церквам [Волокитина, 2008]. Чешская православная церковь передается из юрисдикции Сербской, получает руководство из Москвы, а затем лишь получает статус автокефальной церкви.

Возобновление празднования кирилло-мефодиевских юбилеев относится к 60-м гг. XX века, и можно с уверенностью сказать, что, несмотря на продолжающиеся гонения на Церковь и отсутствие торжеств на территории СССР, проходят они в *совершенно иной международной обстановке*. Первым был отпразднован юбилей славянской письменности в 1963 году, он пришелся на период работы Второго Ватиканского собора. Основные торжества проходили в Чехословакии с участием представителей Русской Православной церкви. «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП) особо отметил, что в праздновании участвовали как Православная, так и Католическая церкви. Теперь право Католической церкви считать этих святых также и своими уже не подвергалось сомнению. Был снят с повестки дня и другой вопрос. К. Комаров, доцент Московской духовной академии, писал в программной статье в ЖМП: «Вопрос о национальности святых братьев теперь уже теряет свою остроту <...> Главное, что его разрешение в ту или иную сторону никак не влияет на оценку великого подвига славянских апостолов и на древность славянской культуры» [Комаров, 1963, с. 49]. Но проблема противопоставления латинству все же остается: «Они защитили <...> перед лицом латинской культуры право славянских народов на обладание своей письменностью, своей самобытной национальной культурой и право церковной службы и учения на своем родном языке <...> утвердили самобытное существование славян в Европе, освободили их от духовной опеки иноземных соседей и позволили занять выдающееся место в семье европейских народов» [Комаров, 1963, с. 55]. Вопросы славянской письменности получают право на обсуждение внутри СССР. Так, мо-

нография В. А. Истрина «1100 лет славянской письменности» была издана в 1963 году тиражом 22 тыс. экз.

Представители СССР приняли участие и в еще более масштабных торжествах по случаю 1100-летия со дня смерти св. Константина (Кирилла), проходивших в Болгарии 11 мая 1969 года. На юбилее присутствовали представители православного мира: патриархи Константинопольский и Александрийский, митрополит Кипрский и архиепископ Афинский, предстоятели чешской и польской церквей. Приглашение было также послано папе Павлу VI, и в качестве его представителя на торжества прибыл архиепископ Реймский Жан Батист Мори. Это празднование имело большое значение с точки зрения международной политики. После событий 1968 года в Чехословакии в СССР осознавалась необходимость разрядки в международной сфере и улучшения своего имиджа¹. РПЦ на мероприятии представлял митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов), председатель Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. В программном выступлении митрополита Никодима отмечалось, что деятельность св. Кирилла и Мефодия проходила на «стыке между восточным — византийским, западным — римским и вновь народившимся славянским христианским миром и своею миссионерско-просветительской деятельностью *способствовала объединению* христианского Востока и Запада, которые в ту далекую пору уже вступили в стадию отчуждения и разделения» [Никодим, 1969а; Никодим, 1969б; Филарет, 1969].

Вместе с тем отзвуки спора о принадлежности к одной из церквей продолжали звучать, на этот раз в речи архиепископа Реймского: «для нас св. Кирилл — великий миссионер, умевший сотрудничать с другими Церквями, сохраняя при этом верность пославшей его Церкви».

1 В связи с этим можно рассматривать и первую попытку завершения холодной войны — инициативу СССР о созыве конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (1969 г.).

Фигуры Кирилла и Мефодия активно поднимаются на щит в коммунистической Болгарии; желание сделать из Кирилла и Мефодия героев социалистической системы было настолько мощным и заметным явлением в общественно-культурной жизни этой страны, что дало основание исследователю Отто Кронштайнеру в 2002 году сформулировать тезис о том, что в коммунистический период существовало стремление представить деятельность Кирилла как демократическую по отношению к славянам, а кириллицу — как демократическую орфографию и азбуку. Кирилла в пропагандистских целях превратили в панславистского коммуниста, который день и ночь думает о «бедных» и «необразованных» славянах. Явные следы этой идеологии при поддержке духовенства вошли в учебники по славистике [Kronsteiner, 2002, p. 47].

Обнаружение в 1970-е гг. славянских рукописей в монастыре св. Екатерины на горе Синай дало новый толчок развитию славистических исследований. В славистике начинает доминировать тезис о том, что Кирилл и Мефодий в своей переводческой деятельности ввиду юрисдикционных особенностей региона использовали и привнесли в славянские тексты элементы не только византийской литургической традиции, но и западной. Отсюда возникает концепция о деятельности братьев в качестве «моста» между восточной и западной культурой, а отсюда и внимание к их экуменическому значению (вне зависимости от исторических реалий). В библиографическом описании кирилло-мефодиевских исследований, подготовленном в 1980 году советской исследовательницей-слависткой И. Е. Можяевой, отмечалось, что многое как в изучении памятников, так и в трактовке кирилло-мефодиевского наследия «определялось политическими взглядами ученых, их национальными пристрастиями, религиозной принадлежностью» [Можяева, 1980, с. 4]. Эта работа показывает уровень, на который вышли советские ученые-слависты, стремившиеся обобщить весь многообразный опыт, накопленный мировой славистикой.

В 1983—1985 гг. кирилло-мефодиевский юбилей прошел в СССР практически незаметно, связано это было с еще продолжающейся последней антирелигиозной кампанией, поэтому в публикациях старательно игнорировалась религиозная составляющая деятельности Кирилла и Мефодия. Только в духовно-учебных заведениях РПЦ прошли скромные мероприятия, хотя делегации РПЦ побывали на торжествах в Чехословакии и Болгарии. Тем не менее именно в 1985 году 24 мая был объявлен в СССР «праздником славянской культуры и письменности» и возобновились издания по различным «славянским» вопросам, предназначенные для широкого круга читателей.

Однако постепенно набирала обороты подготовка к празднованию тысячелетия Крещения Руси. И здесь, как представляется, ключевую роль сыграло традиционное противостояние Ватикану. Мы считаем, что, именно поддерживая идею контрпропаганды в отношении деятельности Ватикана, партийный аппарат позволил развернуть широкую деятельность в связи с юбилеями Кирилла и Мефодия и Крещения Руси. Исследовательница И. И. Маслова опубликовала протокол заседания Секретариата ЦК КПСС от 10 сентября 1985 года, на котором рассматривался вопрос «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси». Как представляется, документ дает достаточно наглядное представление о том, в какой системе координат существовало высшее руководство СССР и какие мотивы им двигали.

Этот документ заслуживает обширного цитирования.

«ЯКОВЛЕВ (зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС). Через три года исполнится 1000-летие введения христианства на Руси. Противник пытается использовать эту дату в подрывных целях. Такая работа ведется уже сейчас. На Западе издается десятитомная история РПЦ. Широкая пропаганда ведется по радио. Осуществляются нападки на нашу демократию. Стремится усилить свое влияние Ватикан. Войтыла мечтает приехать в СССР с политическими

целями. Украинская буржуазно-националистическая клерикальная эмиграция муссирует вопрос о восстановлении униатской церкви на Украине, способной якобы защитить украинский народ от “угрозы русификации”. Не следует преувеличивать возможности влияния на население нашей страны зарубежной клерикальной пропаганды, но в то же время нельзя и недооценивать действия идеологического противника <...>

ХАРЧЕВ (председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР). Следует заметить, что объектом своей пропаганды зарубежные антисоветские клерикальные центры избрали не только верующих, но и церковь, стремясь воздействовать на ее иерархию, чтобы столкнуть ее с лояльных позиций в отношении государства. Совет по делам религий принимает меры для срыва подобных попыток. Разрабатываются мероприятия по использованию 141 прихода РПЦ за рубежом для контрпропагандистских акций...

РЫЖКОВ. Мы предварительно обменивались мнениями по этому вопросу. Наша позиция выражена в проекте постановления. С одной стороны, мы не можем недооценивать зарубежную клерикальную пропаганду и должны давать должный отпор враждебным акциям против нашей страны. С другой стороны, нужно проявить взвешенный подход, чтобы не привлекать к этому событию особого внимания» [Маслова, 2005].

Идея перехватить и использовать юбилейные торжества на пользу СССР долго повторялась чиновниками разных уровней. Даже в январе 1988 года К. М. Харчев, председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР, уверял: «Наша практическая задача максимально использовать 1000-летие в интересах нашего государства, необходимо отсечь посягательства Запада на использование этого юбилея в своих реакционных целях и идти на допустимый, разумный компромисс с церковью... Вопросы 1000-летия решаются в ЦК КПСС, от этого будет зависеть окончательное определение линии Совета...». С разворачиванием перестройки в СССР на щит поднима-

ются и имена Кирилла и Мефодия, возникают местные инициативы празднования дня Кирилла и Мефодия. Их имена активно используются право-монархическим крылом и другими общественными и политическими движениями. На Славянской площади в центре Москве в 1992 году устанавливается огромный памятник Кириллу и Мефодию архитектора В. М. Клыкова. Возрождается и интеллектуальная составляющая юбилеев Кирилла и Мефодия — появляется практика ежегодных славистических Кирилло-Мефодиевских чтений.

5. Заключение

Итак, юбилеи Кирилла и Мефодия как в Российской империи, так и в СССР всегда имели политическое звучание и в значительной степени были связаны с развитием отношений между Российской Империей (а позднее СССР) и Ватиканом, а также Католицизмом в целом. Во второй половине XX века инициатива разворачивания масштабных торжеств, посвященных памяти Кирилла и Мефодия, исходила от руководства некоторых славянских стран социалистического лагеря — Чехословакии, Болгарии — или непосредственно от Ватикана. СССР только реагировал, притом достаточно сдержанно и осторожно. С одной стороны, присутствовала тенденция использовать юбилейные торжества как концепцию для укрепления монолитности братских народов в рамках социалистического блока. С другой стороны, очевидно, инициатива в проведении торжеств, посвященных Кириллу и Мефодию, исходила и от Ватикана. Мы видим, что СССР не имел в 1960-80-е гг. собственной стратегии и линии поведения в отношении Ватикана и непосредственно его Восточной политики (*Ostpolitik*). После прихода папы Иоанна Павла II и активизации «униатского» вопроса все усилия партийно-государственного аппарата СССР были направлены на создание противодействия Ватикану. Руководство СССР могло только ситуативно реагировать на мероприятия, иницируемые Ватиканом. Этот тезис относится и к ситуации с идеей разворачивания мероприятий, связанных с празднова-

нием юбилея Мефодия в начале 1980-х гг., и кампании, посвященной 1000-летию крещения Руси.

Литература

1. *Аксаков И. С.* 11 мая в Москве : из письма / И. С. Аксаков // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. Погодиным. — Москва : Синодальная типография, 1865. — С. 534—538.

2. *Бессонов П. А.* В память первоучителей славянства / П. А. Бессонов // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. Погодиным. — Москва : Синодальная типография, 1865. — С. 449—509.

3. *Брегеда В.*, свящ. В день памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла / свящ. В. Брегеда // Журнал Московской Патриархии. — 1985. — № 5. — С. 34.

4. *Буслаев Ф. И.* По поводу памяти св. Кирилла и Мефодия / Ф. И. Буслаев // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. Погодиным. — Москва : Синодальная типография, 1865. — С. 510—525.

5. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. / О. Ю. Васильева. — Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2001, 2001. — 214 с.

6. *Веселиновић Р.* Преглед историје цркве у Старој Србији и Маведонији од 1766. до 1919 године / Р. Веселиновић // Српска Православна Црква 1219—1969. — Београд, 1969. — С. 331.

7. *Владимир*, еп. 1100-летие со дня кончины равноапостольного Мефодия / еп. Владимир // Журнал Московской Патриархии. — 1985. — № 7. — С. 50.

8. *Волокитина Т. В.* Москва и Восточная Европа : власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х годов XX века : [очерки истории] / Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. — Москва : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 807 с.

9. *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург : церковная политика России на православном Востоке (1878—1898) / Л. А. Герд. — Москва : Индрик, 2006. — 445 с.

10. *Гильфердинг А. Ф.* Кирилл и Мефодий / А. Ф. Гильфердинг. — В книге : Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений : в четырех томах / А. Ф. Гильфердинг. — Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1868—1874. — Т. 1 : История Сербов и Болгар. Кирилл и Мефодий. Обзор Чешской истории. — 1868. — 440 с.

11. *Гильфердинг А. Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий / А. Ф. Гильфердинг. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1871. — 18 с.

12. *Долбилов М. Д.* Русскоязычное католическое богослужение в западном крае Империи : практика перевода (1860—1870-е гг.) / М. Д. Долбилов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2008. — № 1. — С. 40—60.

13. *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы) / М. Ю. Досталь. — Москва : Индрик, 2009. — 464 с

14. *К 1100-летию* кончины равноапостольного Мефодия // *Журнал Московской Патриархии*. — 1985. — № 8. — С. 61.

15. *Кикешев Н. И.* Славянская идея во внешней политике СССР / Н. И. Кикешев // *Славянство : форум славянских культур*. — 2010. — Режим доступа : <http://www.hrono.ru/proekty/slavyane/kike0310.php>.

16. *Кирилло-Мефодиевские* чтения в Духовных школах // *Журнал Московской Патриархии*. — 1985. — № 10. — С. 15.

17. *Ковальская Э.* Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия : возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма / Э. Ковальская // *Славяноведение*. — 2013. — № 2. — С. 71—72.

18. *Комаров К.* Святые братья Кирилл и Мефодий / К. Комаров // *Журнал Московской Патриархии*. — 1963. — № 8. — С. 49—56.

19. *Крижанич Ю.* Политика / Ю. Крижанич ; пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. — Москва : Новый Свет, 1997. — 527 с.

20. *Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV—XVIII вв. : этнокультурное исследование / И. Ф. Макарова ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. — Москва : URSS, 2005. — 190 с.

21. *Марьина В. В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (к вопросу о политической функции) / В. В. Марьина // *Славянский вопрос : веки истории : сборник статей* / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики ; [редкол. : Досталь М. Ю. (отв. ред.) и др.]. — Москва : [б. и.], 1997. — С. 175—176.

22. *Маслова И. И.* Вероисповедная политика в СССР : поворот курса (1985—1991 гг.) / И. И. Маслова ; Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. — Москва : МНЭПУ, 2005. — 239 с.

23. *Мельков А. С.* Кирилло-Мефодияна в научных трудах протоиерея Александра Горского / А. С. Мельков // Электронный научно-образовательный журнал. — 2013. — № 2. — Режим доступа : <http://st-hum.ru/content/melkov-kirillo-mefodiana-v-nauchnyh-trudah-protoiereya-aleksandra-gorskogo>.

24. *Можжаева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945—1974 гг. / И. Е. Можжаева ; Институт Славяноведения и Балканистики АН СССР. — Москва : Наука, 1980. — 223 с.

25. *Московских А. И.* Деятельность Всеславянского комитета в Москве в годы Великой Отечественной войны : 1941—1945 : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. И. Московских ; МУ МВД РФ. — Москва, 2005. — 146 с.

26. *На международном Кирилло-Мефодиевском симпозиуме в Софии* // Журнал Московской Патриархии. — 1985. — № 10. — С. 59.

27. *Никодим (Ротов), митр.* Великое дело святых братьев / Никодим // Журнал Московской Патриархии. — 1969а. — № 6.

28. *Никодим (Ротов), митр.* Миссионерское дело святого Кирилла среди хазар / Никодим // Журнал Московской Патриархии. — 1969б. — № 7.

29. *Победоносцев К. П.* Письма Александру III / К. П. Победоносцев // RUS-SKY. — Москва, 1999. — Режим доступа : <http://www.rus-sky.com/history/library/pobed1.htm>.

30. *Погодин М. П.* Сочинения : в пяти томах / М. П. Погодин. — Москва : Синодальная типография, 1872—1876. — Т. 3 : Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830—1872. — 1872. — 627 с.

31. *Поповкин А. А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858—1921 гг.) : автореферат диссертации... кандидата исторических наук / А. А. Поповкин. — Воронеж, 2013. — 23 с.

32. *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич : очерк жизни и творчества / Л. Н. Пушкарев. — Москва : Наука, 1984. — 213 с.

33. *Роль религии в формировании южнославянских наций* / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. И. В. Чуркина. — Москва : Эдиториал УРСС, 1999. — 262 с.

34. *Русский сборник : исследования по истории России* / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Менинг, П. Чести. — Т. XV : Польское восстание 1863 года. — Москва : Модест Колеров, 2013. — 536 с.

35. *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты : отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов) / М. А. Робинсон. — Москва : Индрик, 2004. — 432 с.

36. *Ровинский П. А.* Россия и славяне Балканского полуострова / П. А. Ровинский // Древняя и новая Россия. — 1878. — № 2. — С. 46—147.
37. *Симонова И. А.* К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества : Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы / И. А. Симонова // Советское славяноведение. — 1988. — № 1. — С. 42—54.
38. *Сорокин В. И.* Международный кирилло-мефодиевский симпозиум в Софии / В. И. Сорокин // Журнал Московской Патриархии. — 1986. — № 5. — С. 51.
39. *Филарет (Вахромеев).* Церковно-богослужебное почитание св. братьев Кирилла и Мефодия в России / Филарет (Вахромеев) // Журнал Московской Патриархии. — 1969. — № 7.
40. *Шириняц А. А.* «Национальные вопросы» в политической публицистике И. С. Аксакова / А. А. Шириняц, Е. Б. Фурсова // Слово : образовательный портал. — URL : <http://www.portal-slovo.ru/history/39423.php>.
41. *Birnbaum, H.* On Medieval and Renaissance Slavic Writing : Selected Essays / H. Birnbaum. — Berlin : Walter de Gruyter, 1974. — 382 p.
42. *Dvornik, F.* Die Bedeutung der Brüder Cyrill und Method für die Slaven- und Kirchengeschichte : Festvortrag / F. Dvornik // Prolegomena ad Acta Congressus historiae Slavicae Salisburgensis in memoriam SS. Cyrilli et Methodii anno 1963 celebrati. — Wiesbaden, 1964a. — P. 17—32.
43. *Dvornik, F.* The Significance of the Missions of Cyril and Methodius / F. Dvornik // Slavic Review. — 1964b. — Vol. 23. — № 2. — P. 195—211.
44. *Dvornik, F.* Two Problems in the History of St. Constantine-Cyril / F. Dvornik // Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. — Munich, 1966. — P. 181—186.
45. *Golub, I.* The Slavic Idea of Juraj Križanić / I. Golub // Harvard Ukrainian Studies. — Vol. 10. — No. 3/4. — P. 438—491.
46. *Gounaris, B.* Social cleavages and national „awakening“ in Ottoman Macedonia / B. Gounaris // East European Quaterly. — 1995. — Vol. 29. — P. 409—426.
47. *Kronsteiner, O.* War die Kirilica Schuld an der Trennung Europas? Warum die Latinica Bulgariens Isolation beenden könnte / O. Kronsteiner // Средновековна християнска Европа : изток и запад. — София, 2002. — С. 47
48. *Pantazopoulos, N. J.* Church and law in the Balkan peninsula during the Ottoman rule / N. J. Pantazopoulos. — Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1967. — 121 p.
49. *Popović, R.* Serbian Orthodox Church / R. Popović. — Beograd, 2005. — P. 89.

50. *Suttner, E. Chr. Kirche und Nationen : Beitrage zur Frage nach dem Verhältnis der Kirche zu den Völkern und der Völker zur Religion : 2 Halbbände / E. Chr. Suttner. — Würzburg, 1997. — 642 S.*

51. *Vlasto A. P. The Entry of the Slavs Into Christendom : An Introduction to the Medieval History of the Slavs / A. P. Vlasto. — Cambridge : Cambridge University Press, 1970. — 439 p.*

© **Белякова Надежда Алексеевна (2015)**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории, Российская академия наук; доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва), beliacova@mail.ru.

© **Токарева Евгения Сергеевна (2015)**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром истории религии и Церкви Института всеобщей истории, Российская академия наук; профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва), estokareva@yandex.ru.